

ЕВГЕНИЙ ОНЕГИН

1823–1830, выдержки Дятловых от 04.09.2024, 1-7/304=98%

1. *Исполненный тщеславия, он обладал еще той особенной гордостью, которая побуждает признаваться с одинаковым равнодушием как в своих добрых, так и дурных поступках, — следствие чувства превосходства, быть может воображаемого.* (Из частного письма)
2. Какое низкое коварство Полуживого забавлять, Ему подушки поправлять, Печально подносить лекарство, Вздохать и думать про себя: Когда же черт возьмет тебя!»
3. Так думал молодой повеса, Летя в пыли на почтовых, Всевышней волею Зевеса Наследник всех своих родных.
4. Он по-французски совершенно Мог изъясняться и писал; Легко мазурку танцевал И кланялся непринужденно; Чего ж вам больше? Свет решил, Что он умен и очень мил.
5. Мы все учились понемногу Чему-нибудь и как-нибудь, Так воспитаньем, слава Богу, У нас немудрено блеснуть.
6. Имел он счастливый талант Без принужденья в разговоре Коснуться до всего слегка, С ученым видом знатока Хранить молчанье в важном споре И возбуждать улыбку дам Огнем нежданных эпиграмм.
7. Да помнил, хоть не без греха, Из Энеиды два стиха. Он рыться не имел охоты В хронологической пыли Бытописания земли; Но дней минувших анекдоты От Ромула до наших дней Хранил он в памяти своей.
8. Как он умел казаться новым,
9. Отворотился — и зевнул, И молвил: «Всех пора на смену; Балеты долго я терпел, Но и Дидло мне надоел».
10. Где мод воспитанник примерный
11. К чему бесплодно спорить с веком?
12. Он три часа по крайней мере Пред зеркалами проводил И из уборной выходил Подобный ветреной Венере, Когда, надев мужской наряд, Богиня едет в маскарад.
13. Я это потому пишу, Что уж давно я не грешу.
14. Люблю их ножки; только вряд Найдете вы в России целой Три пары стройных женских ног. Ах! долго я забыть не мог Две ножки...
15. Проснется за полдень, и снова До утра жизнь его готова, Однообразна и пестра. И завтра то же, что вчера.
16. Нет: рано чувства в нем остыли; Ему наскучил света шум; Красавицы не долго были Предмет его привычных дум; Измены утомить успели; Друзья и дружба надоели, Затем, что не всегда же мог Beef-steaks и страсбургский пирог Шампанской обливать бутылкой И сыпать острые слова, Когда болела голова; И хоть он был повеса пылкой, Но разлюбил он наконец И брань, и саблю, и свинец.
17. Недуг, которого причину Давно бы отыскать пора, Подобный английскому сплину, Короче: русская хандра Им овладела понемногу; Он застрелиться, слава Богу, Попробовать не захотел, Но к жизни вовсе охладел. Как Child-Harold, угрюмый, томный В гостиных появлялся он; Ни сплетни света, ни бостон, Ни милый взгляд, ни вздох нескромный, Ничто не трогало его, Не замечал он ничего.
18. Так величавы, так умны, Так благочестия полны, Так осмотрительны, так точны, Так неприступны для мужчин, Что вид их уж рождает сплин.
19. Отступник бурных наслаждений, Онегин дома заперся, Зевая, за перо взялся, Хотел писать — но труд упорный Ему был тошен; ничего Не вышло из пера его, И не попал он в цех задорный Людей, о коих не сужу, Затем, что к ним принадлежу.
20. И снова, преданный безделью, Томясь душевной пустотой, Уселся он — с похвальной целью Себе присвоить ум чужой; Отрядом книг уставил полку, Читал, читал, а всё без толку: Там скука, там обман иль бред; В том совести, в том смысла нет; На всех различные вериги; И

- устарела старина, И старым бредит новизна. Как женщин, он оставил книги, И полку, с пыльной их семьей, Задернул траурной тафтой.
21. В обоих сердца жар угас; Обоих ожидала злоба
  22. Кто жил и мыслил, тот не может В душе не презирать людей; Кто чувствовал, того тревожит Призрак невозвратимых дней: Тому уж нет очарований, Того змия воспоминаний, Того раскаянье грызет. Все это часто придает Большую прелесть разговору. Сперва Онегина язык Меня смущал; но я привык К его язвительному спору, И к шутке, с желчью пополам, И злости мрачных эпиграмм.
  23. Под небом Африки моей, Вздохать о сумрачной России, Где я страдал, где я любил, Где сердце я похоронил.
  24. И с ним проститься был бы рад. Прочтя печальное посланье, Евгений тотчас на свиданье Стремглав по почте поскакал И уж заранее зевал, Приготовляясь, денег ради, На вздохи, скуку и обман (И тем я начал мой роман);
  25. Вот наш Онегин — сельский житель, Заводов, вод, лесов, земель Хозяин полный, а досель Порядка враг и расточитель, И очень рад, что прежний путь Переменил на что-нибудь.
  26. Два дня ему казались новы Уединенные поля, Прохлада сумрачной дубровы, Журчанье тихого ручья; На третий роца, холм и поле Его не занимали боле; Потом уж наводили сон; Потом увидел ясно он, Что и в деревне скука та же, Хоть нет ни улиц, ни дворцов, Ни карт, ни балов, ни стихов. Хандра ждала его на страже, И бегала за ним она, Как тень иль верная жена.
  27. Не так ли я в былые годы Провел в бездействии, в тени Мои счастливейшие дни?
  28. Цветы, любовь, деревня, праздность, Поля! я предан вам душой. Всегда я рад заметить разность Между Онегиным и мной, Чтобы насмешливый читатель Или какой-нибудь издатель Замысловатой клеветы, Сличая здесь мои черты, Не повторял потом безбожно, Что намарал я свой портрет, Как Байрон, гордости поэт, Как будто нам уж невозможно Писать поэмы о другом, Как только о себе самом.
  29. Я думал уж о форме плана И как героя назову; Покамест моего романа Я кончил первую главу; Пересмотрел все это строго: Противоречий очень много, Но их исправить не хочу. Цензуре долг свой заплачу И журналистам на съеденье Плоды трудов моих отдам: Иди же к невским берегам, Новорожденное творенье, И заслужи мне славы дань: Кривые толки, шум и брань!
  30. Затем, что он равно зевал Средь модных и старинных зал.
  31. От хладного разврата света Еще увянуть не успев, Его душа была согрета Приветом друга, лаской дев; Он сердцем милый был невежда, Его лелеяла надежда, И мира новый блеск и шум Еще пленяли юный ум. Он забавлял мечтою сладкой Сомненья сердца своего; Цель жизни нашей для него Была заманчивой загадкой, Над ней он голову ломал И чудеса подозревал.
  32. Негодованье, сожаленье, Ко благу чистая любовь И славы сладкое мученье В нем рано волновали кровь. Он с лирой странствовал на свете; Под небом Шиллера и Гете Их поэтическим огнем Душа воспламенилась в нем; И муз возвышенных искусства, Счастливцев, он не постыдил; Он в песнях гордо сохранил Всегда возвышенные чувства, Порывы девственной мечты И прелесть важной простоты.
  33. Их разговор благоразумный О сенокосе, о вине, О псарне, о своей родне, Конечно, не блистал ни чувством, Ни поэтическим огнем, Ни острою, ни умом, Ни общежития искусством; Но разговор их милых жен Гораздо меньше был умен.
  34. Богат, хорош собою, Ленский Везде был принят как жених; Таков обычай деревенский; Все дочек прочили своих За полурусского соседа;
  35. Но Ленский, не имев, конечно, Охоты узы брака несть, С Онегиным желал сердечно Знакомство покороче свести. Они сошлись. Волна и камень, Стихи и проза, лед и пламень Не столь различны меж собой. Сперва взаимной разнотой Они друг другу были скучны; Потом понравились; потом Съезжались каждый день верхом И скоро стали неразлучны. Так люди (первый каюсь я) От делать нечего друзья.
  36. Но дружбы нет и той меж нами. Все предрассудки истребя, Мы почитаем всех нулями, А единицами — себя. Мы все глядим в Наполеоны; Двуногих тварей миллионы Для нас орудие одно; Нам чувство дико и смешно. Сноснее многих был Евгений; Хоть он людей, конечно,

- знал И вообще их презирал, — Но (правил нет без исключений) Иных он очень отличал И вчуже чувство уважал.
37. Он слушал Ленского с улыбкой. Поэта пылкий разговор, И ум, еще в сужденьях зыбкой, И вечно вдохновенный взор, — Онегину все было ново; Он охладительное слово В устах старался удержать И думал: глупо мне мешать Его минутному блаженству; И без меня пора придет; Пускай покамест он живет Да верит мира совершенству; Простим горячке юных лет И юный жар и юный бред.
38. Когда прибегнем мы под знамя Благоразумной тишины, Когда страстей угаснет пламя И нам становятся смешны Их своеволие иль порывы И запоздалые отзывы, — Смиренные не без труда, Мы любим слушать иногда Страстей чужих язык мятежный, И нам он сердце шевелит. Так точно старый инвалид Охотно клонит слух прилежный Рассказам юных усачей, Забытый в хижине своей.
39. В любви считаясь инвалидом, Онегин слушал с важным видом, Как, сердца исповедь любя, Поэт высказывал себя;
40. Мы все должны Признаться: вкусу очень мало У нас и в наших именах (Не говорим уж о стихах); Нам просвещение не пристало, И нам досталось от него Жеманство, — больше ничего.
41. Итак, она звалась Татьяной. Ни красотой сестры своей, Ни свежестью ее румяной Не привлекла б она очей. Дика, печальна, молчалива, Как лань лесная боязлива, Она в семье своей родной Казалась девочкой чужой. Она ласкаться не умела К отцу, ни к матери своей; Дитя сама, в толпе детей Играть и прыгать не хотела И часто целый день одна Сидела молча у окна.
42. Но куклы даже в эти годы Татьяна в руки не брала; Про вести города, про моды Беседы с нею не вела. И были детские проказы Ей чужды: страшные рассказы Зимой в темноте ночей Пленяли больше сердце ей.
43. Она любила на балконе Предупреждать зари восход, Когда на бледном небосклоне Звезд исчезает хоровод, И тихо край земли светлеет, И, вестник утра, ветер веет, И всходит постепенно день. Зимой, когда ночная тень Полмиром доле обладает И доле в праздной тишине, При отуманенной луне, Восток ленивый почивает, В привычный час пробуждена, Вставала при свечах она.
44. Ей рано нравились романы; Они ей заменяли всё; Она влюблялася в обманы И Ричардсона, и Руссо. Отец ее был добрый малый, В прошедшем веке запоздалый; Но в книгах не видал вреда; Он, не читая никогда, Их почитал пустой игрушкой И не заботился о том, Какой у дочки тайный том Дремал до утра под подушкой. Жена ж его была сама От Ричардсона без ума.
45. Потом хозяйством занялась, Привыкла и довольна стала. Привычка свыше нам дана: Замена счастию она.
46. Придет, придет и наше время, И наши внуки в добрый час Из мира вытеснят и нас!
47. Но отдаленные надежды Тревожат сердце иногда: Без неприметного следа Мне было б грустно мир оставить, Живу, пишу не для похвал; Но я бы, кажется, желал Печальный жребий свой прославить, Чтоб обо мне, как верный друг, Напомнил хоть единый звук. XL И чье-нибудь он сердце тронет; И, сохраненная судьбой, Быть может, в Лете не потонет Строфа, слагаемая мной; Быть может (лестная надежда!), Укажет будущий невежда На мой прославленный портрет И молвит: то-то был поэт! Прими ж мои благодаренья, Поклонник мирных аонид, О ты, чья память сохранит Мои летучие творенья, Чья благосклонная рука Потреплет лавры старика!
48. Но наш герой, кто б ни был он, Уж верно был не Грандисон.
49. Питая жар чистой страсти, Всегда восторженный герой Готов был жертвовать собой, И при конце последней части Всегда наказан был порок, Добру достойный был венок. XII А нынче все умы в тумане, Мораль на нас наводит сон, Порок любезен — и в романе, И там уж торжествует он. Британской музы небылицы Тревожат сон отроковицы, И стал теперь ее кумир Или задумчивый Вампир, Или Мельмот, бродяга мрачный, Иль Вечный жид, или Корсар, Или таинственный Сбогар. Лорд Байрон прихотью удачной Облек в унылый романтизм И безнадежный эгоизм.
50. Татьяна, милая Татьяна! С тобой теперь я слезы лью; Ты в руки модного тирана Уж отдала судьбу свою.

51. Я знал красавиц недоступных, Холодных, чистых, как зима, Неумолимых, неподкупных, Непостижимых для ума; Дивился я их спеси модной, Их добродетели природной, И, признаюсь, от них бежал, И, мнится, с ужасом читал Над их бровями надпись ада: Оставь надежду навсегда. Внушать любовь для них беда, Пугать людей для них отрада. Быть может, на берегах Невы Подобных дам видали вы.
52. За что ж виновнее Татьяна? За то ль, что в милой простоте Она не ведает обмана И верит избранной мечте? За то ль, что любит без искусства, Послушная влеченью чувства, Что так доверчива она, Что от Небес одарена Воображением мятежным, Умом и волею живой, И своенравной головой, И сердцем пламенным и нежным? Ужели не простите ей Вы легкомыслия страстей?
53. Кокетка судит хладнокровно, Татьяна любит не шутя И предается безусловно Любви, как милое дитя. Не говорит она: отложим — Любви мы цену тем умножим, Вернее в сети заведем; Сперва тщеславие кольнем Надеждой, там недоуменьем Измучим сердце, а потом Ревнивым оживим огнем; А то, сучая наслажденьем, Невольник хитрый из оков Всечасно вырваться готов.
54. Еще предвижу затрудненья: Родной земли спасая честь, Я должен буду, без сомненья, Письмо Татьяны перевести. Она по-русски плохо знала, Журналов наших не читала И выражалася с трудом На языке своем родном, Итак, писала по-французски... Что делать! повторяю вновь: Доныне дамская любовь Не изъяснялася по-русски, Доныне гордый наш язык К почтовой прозе не привык.
55. Так точно думал мой Евгений. Он в первой юности своей Был жертвой бурных заблуждений И необузданных страстей. Привычкой жизни избалован, Одним на время очарован, Разочарованный другим, Желаньем медленно томим, Томим и ветреным успехом, Внимая в шуме и в тиши Роптанье вечное души, Зевоту подавляя смехом: Вот как убил он восемь лет, Утратя жизни лучший цвет.
56. В красавиц он уж не влюблялся, А волочился как-нибудь; Откажут — мигом утешался; Изменят — рад был отдохнуть. Он их искал без упоенья, А оставлял без сожаленья, Чуть помня их любовь и злость. Так точно равнодушный гость На вист вечерний приезжает, Садится; кончилась игра: Он уезжает со двора, Спокойно дома засыпает И сам не знает поутру, Куда поедет ввечеру.
57. Но я не создан для блаженства; Ему чужда душа моя; Напрасны ваши совершенства: Их вовсе не достоин я. Поверьте (совесть в том порукой), Супружество нам будет мукой. Я, сколько ни любил бы вас, Привыкнув, разлюблю тотчас; Начнете плакать: ваши слезы Не тронут сердца моего, А будут лишь бесить его. Судите ж вы, какие розы Нам заготовит Гименей И, может быть, на много дней.
58. Что может быть на свете хуже Семьи, где бедная жена Грустит о недостойном муже И днем и вечером одна; Где скучный муж, ей цену зная (Судьбу, однако ж, проклиная), Всегда нахмурен, молчалив, Сердит и холодно-ревнив! Таков я. И того ль искали Вы чистой, пламенной душой, Когда с такою простотой, С таким умом ко мне писали? Ужели жребий вам такой Назначен строгою судьбой?
59. Врагов имеет в мире всяк, Но от друзей спаси нас, Боже!
60. Уж эти мне друзья, друзья! Об них недаром вспомнил я. XIX А что? Да так. Я усыпляю Пустые, черные мечты; Я только в скобках замечаю, Что нет презренной клеветы, На чердаке вралем рожденной И светской чернью ободренной, Что нет нелепицы такой, Ни эпиграммы площадной, Которой бы ваш друг с улыбкой, В кругу порядочных людей, Без всякой злобы и затей, Не повторил стократ ошибкой; А впрочем, он за вас горой: Он вас так любит... как родной!
61. Гм! гм! Читатель благородный, Здорова ль ваша вся родня? Позвольте: может быть, угодно Теперь узнать вам от меня, Что значит именно родные. Родные люди вот какие: Мы их обязаны ласкать, Любить, душевно уважать И, по обычаю народа, О Рождестве их навещать Или по почте поздравлять, Чтоб остальное время года Не думали о нас они... Итак, дай Бог им долги дни!

62. Кого ж любить? Кому же верить? Кто не изменит нам один? Кто все дела, все речи мерит Услужливо на наш аршин? Кто клеветы про нас не сеет? Кто нас заботливо лелеет? Кому порок наш не беда? Кто не наскучит никогда? Призрака суетный искатель, Трудов напрасно не губя, Любите самого себя, Достопочтенный мой читатель! Предмет достойный: ничего Любезней, верно, нет его.
63. Но я плоды моих мечтаний И гармонических затей Читаю только старой няне, Подруге юности моей, Да после скучного обеда Ко мне забредшего соседа, Поймав неожиданно за полу, Душу трагедией в углу, Или (но это кроме шуток), Тоской и рифмами томим, Бродя над озером моим, Пугаю стадо диких уток: Вняв пенью сладкозвучных строф, Они слетают с берегов.
64. Онегин жил анахоретом: В седьмом часу вставал он летом И отправлялся налегке К бегущей под горой реке; Певцу Гюльнары подражая, Сей Геллеспонт переплывал, Потом свой кофе выпивал, Плохой журнал перебирая, И одевался...
65. Прогулки, чтение, сон глубокой, Лесная тень, журчанье струй, Порой белянки черноокой Младой и свежий поцелуй, Узде послушный конь ретивый, Обед довольно прихотливый, Бутылка светлого вина, Уединенье, тишина: Вот жизнь Онегина святая; И нечувствительно он ей Предался, красных летних дней В беспечной неге не считая, Забыв и город, и друзей, И скуку праздничных затей.
66. Но наше северное лето, Карикатура южных зим, Мелькнет и нет: известно это, Хоть мы признаться не хотим. Уж небо осенью дышало, Уж реже солнышко блистало, Короче становился день, Лесов таинственная сень С печальным шумом обнажалась, Ложился на поля туман, Гусей крикливых караван Тянулся к югу: приближалась Довольно скучная пора; Стоял ноябрь уж у двора.
67. И вот уже трещат морозы И серебрятся средь полей... (Читатель ждет уж рифмы розы; На, вот возьми ее скорей!)
68. Но жалок тот, кто все предвидит, Чья не кружится голова, Кто все движенья, все слова В их переводе ненавидит, Чье сердце опыт остудил И забываться запретил!
69. Но, может быть, такого рода Картины вас не привлекут: Все это низкая природа; Изящного не много тут.
70. Что ж? Тайну прелесть находила И в самом ужасе она: Так нас природа сотворила, К противуречию склонна.
71. Настали святки. То-то радость! Гадает ветренная младость, Которой ничего не жаль, Перед которой жизни даль Лежит светла, необозрима; Гадает старость сквозь очки У гробовой своей доски, Все потеряв невозвратно; И все равно: надежда им Лжет детским лепетом своим.
72. Траги-нервических явлений, Девичьих обмороков, слез Давно терпеть не мог Евгений: Довольно их он перенес.
73. Когда же дело до Евгенья Дошло, то девы томный вид, Ее смущение, усталость В его душе родили жалость: Он молча поклонился ей; Но как-то взор его очей Был чудно нежен. Оттого ли, Что он и вправду тронут был, Иль он, кокетствуя, шалил, Невольно ль, иль из доброй воли, Но взор сей нежность изъявил: Он сердце Тани оживил.
74. И кстати я замечу в скобках, Что речь веду в моих строфах Я столь же часто о пирах, О разных кушаньях и пробках, Как ты, божественный Омир, Ты, тридцати веков кумир!
75. Припрыжки, каблуки, усы Всё те же: их не изменила Лихая мода, наш тиран, Недуг новейших россиян.
76. Уж поздно; время улетело... К тому ж, — он мыслит, — в это дело Вмешался старый дуэлист; Он зол, он сплетник, он речист... Конечно, быть должно презренье Ценой его забавных слов, Но шепот, хохотня глупцов...» И вот общественное мнение! Пружина чести, наш кумир! И вот на чем вертится мир!
77. Так он писал темно и вяло (Что романтизмом мы зовем, Хоть романтизма тут нимало Не вижу я; да что нам в том?),
78. А может быть и то: поэта Обыкновенный ждал удел. Прошли бы юношества лета: В нем пыл души бы охладел. Во многом он бы изменился, Расстался б с музами, женился, В деревне, счастлив и рогат, Носил бы стеганный халат; Узнал бы жизнь на самом деле, Подагру б в сорок

- лет имел, Пил, ел, скучал, толстел, хирел, И наконец в своей постеле Скончался б посреди детей, Плаксивых баб и лекарей.
79. Или мне чуждо наслажденье, И все, что радует, живит, Все, что ликует и блестит, Наводит скуку и томленье На душу мертвую давно И все ей кажется темно?
80. Мой бедный Ленский! изнывая, Не долго плакала она. Увы! невеста молодая Своей печали неверна. Другой увлек ее вниманье, Другой успел ее страданье Любовной лестью усыпить, Улан умел ее пленить,
81. Так! равнодушное забвенье За гробом ожидает нас. Врагов, друзей, любовниц глас Вдруг молкнет. Про одно именье Наследников сердитый хор Заводит непристойный спор.
82. Хотя мы знаем, что Евгений Издавна чтенье разлюбил, Однако ж несколько творений Он из опалы исключил: Певца Гяура и Жуана Да с ним еще два-три романа, В которых отразился век И современный человек Изображен довольно верно С его безнравственной душой, Себялюбивой и сухой, Мечтанью преданной безмерно, С его озлобленным умом, Кипящим в действии пустом.
83. Чудак печальный и опасный, Созданье ада иль Небес, Сей ангел, сей надменный бес, Что ж он? Ужели подражанье, Ничтожный призрак, иль еще Москвич в Гарольдовом плаще, Чужих причуд истолкованье, Слов модных полный лексикон?.. Уж не пародия ли он?
84. Когда благому просвещенью Отдвинем более границ, Со временем (по расчисленью Философических таблиц, Лет чрез пятьсот) дороги, верно, У нас изменятся безмерно: Шоссе Россию здесь и тут, Соединив, пересекут, Мосты чугунные чрез воды Шагнут широкою дугой, Раздвинем горы, под водой Пророем дерзостные своды, И заведет крещеный мир На каждой станции трактир.
85. Москва... как много в этом звуке Для сердца русского слилось! Как много в нем отозвалось!
86. Ох, силы нет... устала грудь... Мне тяжела теперь и радость, Не только грусть... душа моя, Уж никуда не годна я... Под старость жизнь такая гадость...»
87. Но в них не видно перемены; Все в них на старый образец: У тетушки княжны Елены Все тот же тюлевый чепец; Все белится Лукерья Львовна, Все то же лжет Любовь Петровна, Иван Петрович так же глуп, Семен Петрович так же скуп, У Пелагеи Николавны Все тот же друг мосьё Финмуш, И тот же шпиц, и тот же муж; А он, все клуба член исправный, Все так же смирен, так же глух И так же ест и пьет за двух.
88. Татьяна вслушаться желает В беседы, в общий разговор; Но всех в гостиной занимает Такой бессвязный, пошлый вздор; Все в них так бледно, равнодушно; Они клеветают даже скучно; В бесплодной сухости речей, Расспросов, сплетен и вестей Не вспыхнет мысли в целы сутки, Хоть невзначай, хоть наобум; Не улыбнется томный ум, Не дрогнет сердце, хоть для шутки. И даже глупости смешной В тебе не встретишь, свет пустой.
89. И свет ее с улыбкой встретил; Успех нас первый окрылил; Старик Державин нас заметил И, в гроб сходя, благословил.
90. Блажен, кто смолоду был молод, Блажен, кто вовремя созрел, Кто постепенно жизни холод С летами вытерпеть умел; Кто странным снам не предавался, Кто черни светской не чуждался, Кто в двадцать лет был франт иль хват, А в тридцать выгодно женат; Кто в пятьдесят освободился От частных и других долгов, Кто славы, денег и чинов Спокойно в очередь добился, О ком твердили целый век: N. N. прекрасный человек.
91. Несносно видеть пред собою Одних обедов длинный ряд, Глядеть на жизнь, как на обряд, И вслед за чинною толпою Идти, не разделяя с ней Ни общих мнений, ни страстей.
92. Онегин (вновь займуся им), Убив на поединке друга, Дожив без цели, без трудов До двадцати шести годов, Томясь в бездействии досуга Без службы, без жены, без дел, Ничем заняться не умел.
93. Им овладело беспокойство, Охота к перемене мест (Весьма мучительное свойство, Немногих добровольный крест). Оставил он свое селенье, Лесов и нив уединенье, Где окровавленная тень Ему являлась каждый день, И начал странствия без цели, Доступный чувству одному; И путешествия ему, Как всё на свете, надоели; Он возвратился и попал, Как Чацкий, с корабля на бал.

94. Что с ним? в каком он странном сне! Что шевельнулось в глубине Души холодной и ленивой?
Досада? суетность? иль вновь Забота юности — любовь?
95. О люди! все похожи вы На прародительницу Эву: Что вам дано, то не влечет, Вас непрестанно
змий зовет К себе, к таинственному древу; Запретный плод вам подавай, А без того вам рай не
рай.
96. Я вас люблю (к чему лукавить?), Но я другому отдана; Я буду век ему верна».
97. Властитель слабый и лукавый, Плешивый щеголь, враг труда, Нечаянно пригретый славой,
Над нами царствовал тогда.
98. Гроза двенадцатого года Настала — кто тут нам помог? Остервенение народа, Барклай, зима
иль русский Бог?

Конец текста